

УДК 94 (470.67) «15»-054.6

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ ИНОВЕРЦЕВ-ЗИММИЕВ В ТРАДИЦИОННОМ ДАГЕСТАНЕ (XVI – XVIII вв.)

© 2010 г. З.Т. Гаджиев

Дагестанский государственный университет,
ул. Гаджиева, 43а, г. Махачкала, 367025,
dgu@dgu.ru

Dagestan State University,
Gadzhiev St., 43a, Makhachkala, 367025,
dgu@dgu.ru

На основе анализа письменных источников показано определяющее значение мусульманского права в регламентации положения иудеев и христиан в рамках традиционного дагестанского общества XVI – XVIII вв., т.е. до присоединения к России. Рассматривается судьба отдельных общин иноверцев – горских евреев, армян, казаков-староверов.

Ключевые слова: Дагестан в XVI – XVIII в., зиммии, джизья, люди писания, горские евреи, Сурхай-хан, Будай-шамхал, староверы, казаки.

On the basis of the analysis of written sources the article shows the leading role of the Muslim law in the regulation of the position of Jews and Christians in the traditional Dagestan community of the XVI – XVIII century's i.e. the period before Dagestan joined Russia. It also regards the fate of certain religious communities: Mountain Jews, Armenians, Cossacks-Old Believers.

Keywords: Dagestan in XVI – XVIII centuries, dhimmis, djisya, the people of the Book, Mountain Jews, Surhay-khan, Buday-shamhal, Old Believers, Cossacks.

Общественная структура традиционного Дагестана XVI – начала XIX в., населённого свободными людьми, принадлежавшими к одной религиозной общине, не исключала между тем существования контингента с особым статусом подопечных. Ими могли быть лишь зиммии (*ахль аз-зимма*) – подопечные иноверцы из «людей писания» (*ахль ал-киتاب*), т.е. христиане и иудеи, легальное проживание которых в любой мусульманской стране основывалось на заключённом договоре (*ахд аз-зимма* – договор о защите со стороны мусульманского государства) [1 – 3].

Зиммийм гарантировалась свобода личности, вероисповедания, имущества, передвижения, предпринимательства и т.д. при условии их повиновения мусульманскому государству и уплаты установленных налогов. К последним помимо *хараджа* относилась *джизья* – выплачиваемая раз в год подушная подать, обязательная для каждого совершеннолетнего мужчины-зиммия, пользующегося своими умственными способностями (дряхлаые старики, инвалиды, нищие и рабы от неё, как правило, освобождались). Причём в отношении этой подати они могли разделяться на имущественные классы (в раннем халифате их было три, каждый из которых выплачивал соответственно

по одному, по два или по четыре динара в год). При этом они освобождались от военной обязанности, но если желали вступить в мусульманскую армию добровольцами, получали освобождение от *джизьи*. По возможности зиммиев соединяли в общины во главе с собственными старейшинами в отдельных кварталах, пригородах или населённых пунктах, где они могли регулировать свой быт и деловые отношения в соответствии с законами своей религии, пользуясь известной автономией. Их духовные главы представляли интересы своих общин перед мусульманскими властями, контролировали школы и книги в кругу своей общины, преследовали еретиков и имели некоторые личные привилегии. Наконец, они нередко отвечали за сбор и своевременную сдачу государству *джизьи* с членов своих общин. «Люди писания», прибывшие из-за рубежа, должны были уплачивать эту подать, если их пребывание в мусульманском государстве продолжалось год или более. Зиммиев нельзя было обращать в рабство (разумеется, если они не бунтовали), а сами они могли иметь рабов-немусульман. Конечно, иноверец не мог занять высокий административный пост, так как закон не позволял иноверцу властвовать над мусульманами. Но если зиммий прини-

мал ислам, то все изложенные обязательства и ограничения естественным образом с него снимались.

В Дагестане зимнии традиционно были представлены главным образом иудеями (частью иранского еврейства) и отчасти христианами-монофизитами, т.е. армянами-григорианами. Издавна проживая в Дербенте и близлежащих сёлах, в Кайтаге и Табасаране, с начала XVII в. евреи в большем или меньшем количестве начинают фиксироваться практически во всех региональных торговых центрах Дагестана (Эндирей, Тарки, Бойнак, Аксай и др.) [4, с. 193]. Ян Стрейс пишет, что они «ведут крупную торговлю награбленным добром из Дагестана, которое татары (дагестанцы. – З.Г.) привозят сюда [в Дербент] на рынок» [5, с. 134]. И.-Г. Гербер отмечает евреев в Кубе, Рустове и во всём Ширване, сообщая, что они торгуют в Шемахе армянскими и грузинскими невольниками [6, с. 304 – 306]. Он же сообщает, что они «употреблялись» во всякую «чёрную работу, в которую употребить мусульман нельзя». Действительно евреи преимущественно выступали в роли негодантов или менял, а также занимались ремеслом кожевников и красильщиков, выделявая сыромятные кожи и сафьян. Кроме того, одним из главных их промыслов было разведение табака [7, с. 189]. Гербер подтверждает, что вместе с армянами евреи выплачивали подушную подать, а сверх того в пути должны были уступать дорогу мусульманам. Под властью Хаджи-Дауда и Сурхай-хана I зимнии должны были носить на груди суконный значок желтого цвета, дабы мусульмане по ошибке не обратились к ним с обычным приветствием «Салам алейкум!» и меньше с ними контактировали. Интересно также, что в Кайтаге, по утверждению Гербера, евреи несли военную службу, что, должно быть, освобождало их (во всяком случае, какую-то часть) от подушной подати. При вторжении Надир-шаха часть их (около 300 семей) вместе с райатами-теркеме сбежала из Кайтага в Костек и Эндирей, что спровоцировало длительный конфликт между кайтагскими и эндирейскими феодалами, в который уже в 1775 г. вмешалась и Российская империя.

К сожалению, довольно точными данными о численности и занятости евреев по отдельным регионам Дагестана мы располагаем лишь с середины XIX в. [8, с. 345 – 349]:

Юж. Табасаран – 82 дома, 390 чел. (200 м., 190 ж.), заняты земледелием 60, торговлей – 130, ремеслом – 10;

Сев. Табасаран – 92 дома, 454 чел. (239 м., 215 ж.), заняты земледелием 34, торговлей – 180, ремеслом – 25;

Кайтаг – 215 домов, 894 чел. (454 м., 440 ж.), заняты земледелием 104, торговлей – 200, ремеслом – 150.

Как и положено зимниям, поселявшимся на мусульманской земле, кайтагские и табасаранские евреи, «несмотря на постоянное покровительство, оказываемое им беками, даже преимущественно перед райатами-мусульманами», в соответствии с шариатом никогда не становились её собственниками, а «вынуждены были нанимать у мусульман земли для своих посевов за деньги или от доли урожая как посторонние». Не могли они пользоваться и общественными угодьями

[7, с. 159]. Обычно они проживали на государственных (*дивани* и *хассе*) землях и «находясь под властью беков, не имели у себя ровно никаких сельских управлений, дела их решались беками или в Башлы» [9, с. 21]. За это они отбывали бекам различные повинности на общих основаниях с райатами-мусульманами. В Кубинском ханстве, где при Гусейн-Али-хане (1747 – 1758) и его преемниках напротив города Куба, за рекой, выросло обширное предместье Кулгат с четырьмя синагогами, позднее известное как Еврейская (ныне Красная) слобода, существовала аналогичная ситуация. Здесь евреи также не имели джамаатского самоуправления, «от евреев был чауш, который исполнял все приказания бека, бек сам производил суд и расправу над евреями и управлял ими сам и через своих нукеров» [10, с. 51].

Это, однако, вовсе не означает, что зимнии, в частности евреи, подвергались в Дагестане какому-то произволу и не могли рассчитывать на справедливое судебное разбирательство. Так, из письма эндирейского *кади* Ахмата и *карта* Умаша на имя кизлярского коменданта Н.А. Потапова от 1764 г., мы узнаём, что спорный вопрос между двумя жителями Эндирея – мусульманином Худайнатом и неназванным евреем (*джухут*), коллегия старшин (*картлар*) решила в пользу еврея, и после утверждения шариатским судьёй, передала ему лошадь, которая, как установило следствие, ранее была у него «приобретена путём *харамы*» (очевидно похищена) казаком Андреем из станицы Червлёной (*Ораз-кала*), где в свою очередь названный Худайнат её и приобрёл (выменял) [11, с. 133 – 134].

Однако установившаяся в регионе феодальная раздробленность отрицательно сказывалась на положении зиммиев, и покровительство со стороны одного владельца не гарантировало защиты от другого. Так, около 1799 г. в ходе очередной междоусобицы Сурхай-хан II Гази-Кумухский подверг полному разгрому известное с XVII в. еврейское селение Абасоба близ Дербента, после чего Кубинский Шейх-Али-хан вынужден был переселить уцелевшую часть евреев под защиту городских стен [4, с. 205].

Там же, в Кубинском ханстве и Дербентском владении, на протяжении всего XVIII в., проезжающими отмечается значительное количество армян, в том числе проживающих компактно. Особенно увеличилось их число в Прикаспийской зоне в 1722 – 1735 гг., что было связано с политикой российской военной администрации, направленной на изменение соотношения мусульманского и христианского населения на присоединённой территории. И хотя с приходом Надир-шаха часть их эвакуировалась вместе с русскими войсками, под покровительством Кубинских ханов вскоре вновь окрепла богатая армянская община. Гибель Мухаммад-шамхала II, преследовавшего остатки разбитой в Гавдушанском сражении (1774 г.) армии Фатх-Али-хана Кубинского, от рук армянских стрелков из ханской армии свидетельствует о привлечении здесь этих иноверцев на военную службу (очевидно, на добровольной основе) [12, с. 152]. Из описания ханства, составленного в 1796 г. майором Ф. Симоно-

вичем, известно, что в Кубе армяне выплачивали «подушных денег – женатые по 2 рубля 10 копеек, холостые – по рублю 5 копеек» [13, с. 36]. Однако пророссийская позиция, которую они заняли в 1796 г., при вторжении армии В. Зубова, вынудила многих из них бежать в Россию после его отступления, и к началу XIX в. численность армян здесь сократилась. Тем не менее С. Броневский отмечает в Рустовском *магале* Кубинского ханства армянское село Кильвар с церковью, а также присутствие их ещё в шести сёлах Мушкюрского *магала* [14, с. 383].

В XVIII в. долговременно проживающие армяне со своими лавками фиксируются в Аксае, Костеке, Эндирее, причём в последнем даже имелась церковь. И.-А. Гильденштедт пишет, что «среди них [кумыков] живёт много армян, в руках которых находится небольшая торговля припасами» [15, с. 255]. Сообщая о жителях Эндирея конца XVIII в., Я. Рейнегс писал, что «много также между ими находится армянских и грузинских христиан, сверх же того жида весьма сильный торг здесь отправляют... лавки и удобные караван-сарай служат украшением сему городу, торг невольниками в величайшем здесь употреблении, ибо в оном месте продаются все пленники, пойманные или уведённые лезгинцами...» [5, с. 254]. Очевидно, значительную часть этих «армянских» и в особенности «грузинских» христиан составляли бывшие рабы, которые, отработав свою цену, получали свободу и переходили в категорию крестьян, аналогичную райатам, становясь зиммиями, при желании сохранить свою прежнюю веру.

Наконец, следует остановиться ещё на одной группе зиммиев, которая была представлена в Дагестане ортодоксальными христианами «старообрядческого» направления.

Когда в России произошёл церковный раскол, и на Соборе 1666 – 1667 гг. староверы были преданы анафеме, царские власти обрушили на них жестокие репрессии, в результате которых десятки тысяч людей были казнены, подверглись пыткам, заточению, ссылке. Это заставило уцелевших староверов бежать на окраины государства (Нижнюю Волгу, Дон, Яик и т.д.), где многие из них приняли самое активное участие в выступлениях Степана Разина (1667 – 1671) и его атаманов. В результате подавления очередного восстания на Дону (1687 – 1689), многие староверы с Дона бежали на Куму, где их принял кабардинский князь Мисост. На городище Старые Мажары (ныне Будёновск) «раскольниками» было установлено укрепление, но и здесь их продолжали преследовать русские войска. В связи с этим атаман Лев Манацкий, выведший с Дона до двух тысяч семейств, направился с делегацией в Дагестан к Будай-шамхалу II (1667 – 1703), «для заключения договора о принятии казаков в подданство на том условии, что эти казаки будут помогать шамхалу в военных его делах, а он будет оказывать им своё покровительство» [16, с. 360 – 363]. Будай-шамхал II взял их под свою опеку и «дал слово, что переселившихся “раскольников” никому не выдаст». Таким образом, *ахд аз-зимма* (договор о защите) состоялся, и по обоюдному

согласию староверы были переселены в Дагестан, а шамхал «действительно отвёл им выгодный для мореходства и крепкий для обороны приморский уголок между рекой Сулак и его рукавом Аграхань», куда ежегодно стали прибывать партии беженцев-староверов с Дона. Будай-шамхал II, по свидетельству современников, помогал им «обзаводиться стругами и лошадьми». Когда об этом стало известно в Москве, к шамхалу для истребования староверов был направлен дворянин Басов, однако верный слову Будай-шамхал II заявил, что «казаки-раскольники – его гости и он не может прогнать их», и только если они «сами, по доброй воле, решатся уйти, то держать их насильно не сможет». Сами же староверы отказывались вернуться, говоря, что «шевкал веру у нас не отымает, живём и веру держим, как хотим, а идти нам назад, на Дон, за каким добром?!» [17, с. 93 – 94]. Ни строгие требования царских властей, ни обещания «казны» и наград, ни продвижение русских полков к Аграхани не смогли побудить шамхала к изгнанию или выдаче староверов. Более того, с их помощью Будай-шамхал II создаёт в Аграханском заливе маленькую, но эффективную боевую флотилию, которая начинает громить на Каспии следующие из Астрахани российские корабли с товарами, припасами, казной и войсками. В 1691 г. десант «воровских казаков и шевкаловых людей» совершил дерзкую диверсионную операцию и сжёг суда («струги и бусы») на пристани Терского городка – опорного пункта России на Кавказе [18, с. 249 – 254]. В условиях морской и сухопутной блокады угроза нападения нависла над самим Терским городком, где начались голод и дезертирство. Только к концу 1692 г. царское правительство сумело организовать ответную экспедицию, не имевшую, однако, ожидаемого эффекта. Боевая активность на море не снижалась. Недаром Петр I горько сетовал на «разные самовладельцы», которые «за Тереком... соединяются с воровскими казаками, с атаманом Костыкою Ивановым с товарищи, и на Хвалынском море бусы наши, великого государя, разбивают» [16, с. 362]. Кроме того, обосновавшиеся в Дагестане староверы продолжали засылать на Дон своих агитаторов «для подговору» к бегству на Аграхань, и желающие являлись «во множестве».

Только в 1700 г., когда престарелый Будай-шамхал II отошел от дел, русским войскам, вступившим в сговор с его младшим сыном Адиль-Гирейбеком, удалось нанести серьёзный удар староверам и опекавшим их князьям аксайскому Султан-Махмуду и эндирейским Муртазаали и Чупан-Шамхалу. Однако эти акции привели к мобилизации сил по всему Дагестану и вызвали нежелательный для России международный резонанс. Так, в связи с этим событием последовал фирман иранского шаха Султан-Хусейна на имя Цахурского Али-султана, от сафара 1113 г.х. (1701 г.): «...Ныне Шамхал довел до нашего сведения, что 60 000 русских прибыло на 8 фарсахов (ок. 50 км) от Таргу с целью вытребовать у него, которые из России бежали и прибегли к Шамхалу и он оказывает им покровительство. А потому повелеваем, по получении сего нашего священного фирмана, с подведом-

ственным войском, вооруженным и снабженным всем необходимым, двинуться к Шамхалу, и если со стороны русских будет замечено неприязненное движение, то по согласованию с ним приступить к истреблению этой проклятой группы» [19, с. 1088 – 1089]. Вступившему тем временем в Северную войну Петру I это было совсем некстати, и инцидент поспешили уладить.

В 1115 г.х. (1703 – 1704) не стало Будай-шамхала II, в Дагестане началась длительная борьба за власть, а поднятое Кондратием Булавиным в 1707 – 1709 гг. восстание казаков Дона и Запорожья вызвало отток из Дагестана староверов, устремившихся на помощь своим единоверцам.

Литература

1. Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991 С. 65.
2. Ван ден Берг Л.-В.-С. Основные начала мусульманского права согласно учению имамов Абу Ханифы и Шафии. М., 2006. С. 155 – 161, 219.
3. Петрушевский И.П. Ислам в Иране в VII – XV веках (Курс лекций). Л., 1966. С. 182 – 186.
4. Сосунов Г.С. Еврейские памятники Восточного Кавказа. Махачкала, 2007.
5. Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992.
6. Гербер И.-Г. Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курою народах и землях и их состоянии в 1728 году // Ежемесячные сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. 1760. Июль; Август; Сентябрь; Октябрь.
7. Феодалные отношения в Дагестане. XIX – начало XX века: архивные материалы / сост., предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1969.
8. Кавказский календарь за 1857 г. Тифлис, 1856.
9. Сведения о Кайтаге, собранные по некоторым данным (предположительно 50 – 60-е гг. XIX в.; автор неизвестен) // Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв.: архивные материалы / сост. предисл. и прим. Х.-М. Хашаева. М., 1965.
10. Сотников. Сведения о Табасарани [1867г.] // Там же.
11. Оразаев Г. М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв. Махачкала, 2007.
12. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: сб. док. М., 1988.
13. Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. Баку, 1948.
14. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. М., 1823.
15. Гильденштедт И.-А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. СПб., 2002.
16. Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времён до конца XVIII века. М., 2001.
17. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.
18. Русско-чеченские отношения (вторая половина XVI – XVII в.): сб. док. М., 1997.
19. АКАК. Т. II.

Поступила в редакцию

1 июня 2010 г.